Сабиров Владимир Шакирович

РЕЛИГИОЗНЫЙ И МОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ

В статье рассматриваются религиозный и моральный аспекты справедливости, которые часто не только не совпадают, но и противоречат друг другу. Когда в обществе или человеческом сознании остро ставится вопрос о справедливости и равенстве, подразумевается, что в ход пошли расчет и мера. Когда в мире иссякает любовь, человек, отвлекаясь от выполняемой им жизненной задачи, начинает сравнивать свои и чужие заслуги, грехи и преступления и требовать воздаяния или компенсации за них.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/6-1/36.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 145-148. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

“STRANGERS” IN “FOLKSHJEM”: MULTICULTURALISM CRISIS IN NORWAY

Pronyakina Elizaveta Dmitrievna
St. Petersburg State University
eventyr23@gmail.com

The author discusses multiculturalism policy crisis that has obviously existed in Europe in recent years, tells that in Norway, which until now was considered as one of the most politically safe and stabile countries in Europe, the crisis became apparent as a result of the tragic events at Utoya island, analyzes the reasons of integration policy collapse in Norway, and undertakes an attempt to determine the prospects for further integration.

Key words and phrases: security; globalization; integration policy; multiculturalism; migration; migration policy; nationalism; terrorism.

УДК 130.12
Философские науки

В статье рассматриваются религиозный и моральный аспекты справедливости, которые часто не только не совпадают, но и противоречат друг другу. Когда в обществе или человеческом сознании остро ставится вопрос о справедливости и равенстве, подразумевается, что в ход пошли расчет и мера. Когда в мире иссякает любовь, человек, отвлекаясь от выполняемой им жизненной задачи, начинает сравнивать свои и чужие заслуги, грехи и преступления и требовать воздаяния или компенсации за них.

Ключевые слова и фразы: справедливость и несправедливость; равенство и неравенство; духовно-религиозный аспект справедливости; любовь; спасение; антиномия справедливости.

Сабиров Владимир Шакирович, д. филос. н., профессор
Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин)
sabirov-soina@211.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ И МОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ©

Наиболее острым аспектом темы справедливости является проблема равенства людей. Суть же проблемы заключается здесь в том, какое равенство между людьми этически оправданно и справедливо и какое принципиально противоречит этическим нормам и являет собой вопиющую несправедливость. Чтобы иметь верную точку отсчета, обратимся к религиозному аспекту проблемы справедливости, из-за которого возникло так много драм и противоречий в человеческих отношениях. Так, здесь несомненно возникает чрезвычайно сложный и духовно многомерный вопрос о «справедливости» Бога, воздающего людям или карающего их отнюдь не по человеческой мерке «злого» или «доброго», но по какой-то особой сверхрациональной шкале высшего блага, явно недоступной обыденному сознанию, но зато открывающейся людям, обладающим несомненными духовными дарами. Так именно о *парадоксальном* характере Божественной справедливости, ненормативном и свободном, явно не поддающимся правовой или этической калькуляции и потому так диссонирующим с сугубо человеческими представлениями о «мере» и «пропорциональности» справедливого и достойного, прекрасно писал святитель Николай Сербский: «Бог не есть равенство, Бог есть любовь. Равенство бы исключило всю справедливость и всю любовь – исключило бы всю нравственность. Из-за равенства ли любит муж жену свою? Из-за равенства ли мать любит дитя свое? Из-за равенства ли друг любит друга своего? Неравенство является основой справедливости и стимулом любви. Пока существует любовь, никто не думает о равенстве. Пока царит справедливость, никто не говорит о равенстве. Когда утрачивается любовь, люди говорят о справедливости и думают о равенстве. Когда с любовью исчезает и справедливость, люди говорят о равенстве и думают о безнравственности. То есть, когда исчезает нравственность, ее заменяет безнравственность. Из могилы любви прорастает справедливость, из могилы справедливости прорастает равенство» [5, с. 78-79].

В этом контексте становится более понятным глубокий смысл евангельской притчи о виноградаре и работниках. С первыми нанявшимися работниками хозяин дома договорился о плате размером в один динарий за рабочий день. Потом он несколько раз выходил из своего дома и каждый раз нанимал новых работников, обещая им справедливое воздаяние за их труд. По окончании же трудового дня он всем работникам, независимо от количества отработанного ими времени, заплатил по динарию. «Пришедшие же первыми думали, что они получат больше, но получили и они по динарию. И получивши стали роптать на хозяина дома и говорили: эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зноя. Он же в ответ сказал одному из них: друг! Я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? Возьми свое и пойди; я же хочу дать этому последнему *то же*, что и тебе; разве я не властен в своем делать, что хочу? Или глаз твой завистлив от того, что я добр? Так будут последние первыми, и первые последними; ибо много званных, а мало избранных» (Мф. 10-16). Божественная справедливость, по существу, утверждает иной порядок бытия, чем тот, который сложился и устоялся в условиях обыденных человеческих отношений.

© Сабиров В. Ш., 2013

Узкопрагматическому юридизму «эквивалентного воздаяния» за труд оно противопоставляет некую высшую абсолютную правду о человеке, не поддающуюся ни вульгарному расчету, ни прагматическому «исчислению». А поскольку Божественная справедливость (в данном случае – справедливость Христа-Спасителя) «ищет правды единой и неделимой» [6, с. 343], то она и является самой высшей и безусловной формой справедливости, ибо она основана не на «пропорциональном» учете заслуг и достижений, но на абсолютном жертвенном милосердии и всеведении путей человеческих. Бог есть любовь к каждому Своему творению, и главное выражение этой любви – спасение личности во времени и вечности. Именно таков смысл этой притчи. Но, к сожалению, люди же часто смотрят на божественную щедрость пристрастно и своекорыстно и требуют от Бога именно земной справедливости здесь-и-сейчас, любой ценой, справедливости, которая вступает в свои права именно тогда, когда в мире оскудевает любовь. Однако, когда царствует любовь, тогда есть и жертва, и готовность к ней. И тогда вопрос о справедливости как своеобразной жизненной «мерке» человеческих отношений вообще не возникает между людьми. Преодолевая социальную, юридически-правовую и рационально-моралистическую «тяжесть» мира, люди в той или иной мере приобщившиеся к основоположениям христианского вероучения, как правило, с готовностью поступаются сиюминутной справедливостью, жертвуя собой ради других и не помышляя при этом о цене своей жертвы и возможности адекватного за нее воздаяния. В этом они, иногда даже не подозревая об этом, уподобляются самому Христу, ибо, как утверждал Спаситель, тот из нас, кто отдаст жизнь свою «за други своя», без малейших расчетов и надежд на ответные действия, так или иначе, стяжает дары вечной жизни.

Исходя из этого, в христианской традиции по особому понимается и отношение людей к несправедливости: «Если бы мы размышляли о том, что величайшую из всех несправедливость подъял на Себя Христос, то мы принимали бы несправедливость с радостью» [4, с. 79] Поскольку в духовно-нравственной жизни христианина события земной жизни всегда соизмеряются с трансцендентными ценностями, зачастую имеющими противоположные земным значения, то и отношение человека к несправедливости приобретает качественно иной смысловой оттенок. Как известно, в обыденной жизни Спаситель рекомендовал людям воздерживаться от суда и юстиции. «Остерегайтесь же людей; ибо они будут отдавать вас в судилище» (Мф. 10-17). Более того, в случае неизбежно предстоящего судебного разбирательства Он настоятельно рекомендовал тяжущимся… примирение как наиболее справедливый и обоюдовыгодный способ разрешения юридически-правовой коллизии; в случае же невозможности этого из-за неуступчивости соперника или несговорчивости судей считал необходимым именно великодушное претерпевание несправедливости, без ропота и малодушия, а также стремления «любой ценой» отстоять свои попранные права. На протяжении своей короткой земной жизни Сам Спаситель неуклонно… следовал этому правилу, «будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдал, не угрожал, но предавал то Судии праведному» (1 Петр. 2:23). Именно поэтому в претерпевании несправедливости без упреков и гнева христианство видит не только подражание духовному примеру Христа, но и основание нравственного совершенствования человека, своего рода возделывание благородных качеств его души, удостаивающееся ответного благодеяния свыше. «Когда с нами поступают несправедливо, то, принимая эту несправедливость, мы, в сущности, принимаем благодеяние» [5, с. 88]. Св. Иоанн Златоуст поучал: «Но здесь разве напрасной ты подвергаешься ненависти? Ненависть за Бога гораздо лучше любви за Него, ибо когда любят нас для Бога, то мы делаемся должниками Его за такую честь, а когда ненавидят нас, то Он Сам делается должником, за Которым остается награда» [4, с. 421].

Таким образом, в христианской религиозной традиции проблема справедливости принимает весьма специфическое и, возможно, непривычное и неприемлемое для многих современных людей содержание. Однако в ней заложен глубочайший духовно-этический смысл. Никоим образом не отвергая ни юридически-правовых, ни социальных, ни уж тем более моральных аспектов справедливости, христианство утверждает, что все они, в большей или меньшей степени, отражают частичность или неполноту человеческих отношений и потому есть только фрагмент единого и общего духовного смысла, в существе своем – целостного и неделимого. Подлинная справедливость (а следовательно, и мера суда, и мера воздаяния) есть глубина судящего себя самого сердца человека, где его совесть встречается с полнотой божественного участия, и с Его же осуждением человеческой греховности. Именно *такой суд* следует принять безусловно и безоговорочно, а *справедливость* его приговора должно считать последней и абсолютной «точкой отсчета» в человеческой жизни и отношениях между людьми. Глубокая духовно-этическая и социокультурная парадоксальность этой версии справедливости вполне очевидна всякому непредубежденному человеку. Крайне критически относясь к разного рода учреждениям юстиции, призванным *профессионально* утверждать справедливость на земле и отделять правое от неправого, Христос-Спаситель на самом деле настаивает на справедливости высочайшего порядка, воссоединяющей в себе *абсолютную полноту* знания о человеке с беспристрастной оценкой всего, совершенного им в его жизни, и потому действительно *правомочной* вершить суд и выносить приговор. «На суд пришел Я в мир сей» (Ин. 9:39), – провозглашает Спаситель, утверждая тем самым не только значение Своего дела на земле, но также и доминацию духовного аспекта справедливости над всеми остальными сторонами его смыслового содержания, парадоксально апеллирующего не к преходящей земной правде, но к божественному суду и вечности. Иерархически возвышаясь над земными формами справедливости, справедливость божественная, тем не менее, отнюдь не отменяет их правомочность и не ставит под сомнение их житейскую целесообразность. По существу, она всего лишь задает некий идеальный сверхмасштаб их ценностного бытия в мире, без которого положению людей, вещей и отношений неизбежно угрожает хаос и разложение. «…Идеальное отношение ценностей – *hierarhia divina* (иерархия божественная), – отмечает Н. Н. Алексеев, – воплощается в действительных отношениях вещей и лиц и становится миром человеческой справедливости – *hierarhia humana* (иерархия человеческая)» [1, с. 121].

«Человеческая справедливость предназначена не для людей духовных, но для того, чтобы служить тормозом для людей мира сего» [5, с. 112]. Когда в обществе или человеческом сознании остро ставится вопрос о справедливости, подразумевается, что в ход пошли расчет и мера, и калькулирующий рассудок начинает одолевать нравственный ум человека. По сути дела, вопрос справедливости, равно как и настоятельное требование ее скорейшего утверждения в мире, – это вопрос рассудочный, житейски-прагматический, а потому и сама эта тема носит сильный привкус правового устроения в мире, т.е., по существу, его внешней эмпирической организации. Тема справедливости и равенства возникает именно тогда, когда человек, отвлекаясь от выполняемой им жизненной задачи, начинает сравнивать свои и чужие заслуги, грехи и преступления и требовать воздаяния или компенсации за них. Как правило, в природе человека имеется своя специфическая система отсчета: свои заслуги кажутся более значительными, а проступки менее страшными, воздаяние же за то и другое воспринимается как несправедливое.

Поэтому тот, кто поднимает тему справедливости и равенства, требуя их немедленного и скорого осуществления, обнаруживают достаточно низкий тип морального сознания и тем более – отсутствие духовного видения себя самого и своего окружения. Именно это воссоединение отчаянной жажды справедливости с известного рода нравственной нечистоплотностью, даже попустительством злу показал Ф. М. Достоевский в образе Ивана Карамазова. Парадоксальным образом сочетая в себе потребность в абсолютной справедливости, понимаемой им как немедленное и безоговорочное возмездие злодеям, истязающим ни в чем не повинных детей («Мне надо возмездие, иначе ведь я истреблю себя», – говорит он Алеше [3, с. 222]), Иван по существу бунтует против духовных законов бытия, и этот бунт в итоге приводит его к крайним формам аморализма, резюмируемым известной сентенцией «все позволено». Духовный же человек ищет не справедливости «любой ценой», но, прежде всего, спасения, которое возможно только при наличии покаянного сознания, а потому спокойно и с готовностью претерпевает социальную и нравственную несправедливость, провидя в ней своего рода «суд Божий». Моральный же, следовательно, совестливый человек, тоже будет более озабочен вопросом своего собственного нравственного совершенства, и потому проблема справедливости для него имеет смысл только применительно к другим людям. Будучи снисходителен и терпим в отношении самого себя и даже более того – с готовностью принимая несправедливость людей к себе (вспомним поведение греческого философа Сократа на суде и в особенности после него), он, однако, не терпит несправедливого отношения к другим людям и готов восстановить попранную справедливость даже ценой собственной жизни.

Таким образом, если справедливость рассматривать в практическом плане, то здесь мы сталкиваемся с *этическим парадокс*ом, суть которого заключается в следующей антиномии.

Тезис: акцентируя внимание на справедливости, мы невольно провоцируем разного рода негативные аффекты – обиды, ропот, сутяжничество и бунт, что, в свою очередь, порождает новые формы зла и создает иные виды несправедливости. Так обостренное чувство справедливости действительно может привести к войне всех против всех.

Антитезис: игнорируя же справедливость как ценность, мы, по сути, поощряем несправедливость, убиваем в людях благотворные моральные порывы, саму интенцию к добру, которые в значительной степени питаются из источника, именуемого «жажда справедливости».

Как же, спрашивается, на деле разрешать эту антиномию? Какой, собственно, должна быть этически приемлемая форма борьбы за справедливость или как утверждать справедливость практически, как относиться к несправедливости и как ее переживать?

Нам представляется, что необходимым условием разрешения этой сложной этической антиномии является различение религиозных или метафизических оснований справедливости, отнюдь не предполагающих немедленного и сиюминутного воздаяния (вспомним, к примеру, замечательную русскую пословицу: «Бог правду видит, да не скоро скажет»), и справедливости эмпирической, жизненно-конкретной, требующей простых и действенных морально-практических решений. Именно эта *иерархичность* ценностных смыслов, наполняющих понятие справедливости, равно как и известного рода социокультурная вариативность их применения, на наш взгляд, снимают жесткую категоричность вышеозначенной антиномии, способствуя тем самым более пластичному и глубокому восприятию бытия и его острейших духовно-нравственных коллизий. «Идея справедливости в качестве первичной и наиболее глубокой своей предпосылки, – констатирует Н. Н. Алексеев, – предполагает не идею равенства, но идею иерархии. Только равному по достоинству может быть причитаемо равное, неравное же предполагает и требует неравное» [1, с. 126].

Список литературы

1. **Алексеев Н. Н.** Философия права. СПб.: Лань, 1999. 252 с.
2. **Блаженной памяти старец Паисий Святогорец.** Слова. М.: Издательский дом «Святая гора», 2004. Т. III. Духовная борьба. 344 с.
3. **Достоевский Ф. М.** Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 14. 612 с.
4. **Святитель Иоанн Златоуст.** Избранные поучения. М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2001. 590 с.
5. **Святитель Николай Сербский.** Мысли о добре и зле. Минск: Издательство Свято-Елизаветинского монастыря, 2005. 256 с.
6. **Спекторский Е. В.** Христианство и правовая культура // Русская философия права: философия веры и нравственности. СПб.: Алетейя, 1997. С. 335-359.

RELIGIOUS AND MORAL ASPECTS OF JUSTICE

Sabirov Vladimir Shakirovich, Doctor in Philosophy, Professor
Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering
sabirov-soina@211.ru

The author considers the religious and moral aspects of justice that often do not coincide, and even contradict each other. When society or human mind raises a question of justice and equality, it is understood that assumption and measure were put to use. When the world runs out of love, the man is distracted from performing his (her) task in life and begins to compare his own and others' achievements, sins and crimes and to demand retribution or compensation for them.

Key words and phrases: justice and injustice; equality and inequality; spiritual-religious aspect of justice; love; salvation; antinomy of justice.

УДК 34
Юридические науки

В перечне вопросов местного значения поселений, согласно статье 14 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», предусмотрен ряд полномочий в сфере управления земельными ресурсами. Однако в юридической науке в контексте объекта управления земельными ресурсами наряду с категорией «земельные ресурсы» используются такие понятия как «земли поселений», «земли населенных пунктов», «земельные участки», «территория поселения». В статье проведен анализ действующего законодательства, различных теоретических подходов к решению данной проблемы.

Ключевые слова и фразы: земельные ресурсы; управление земельными ресурсами; поселения; вопросы местного значения; объект управления; предмет управления.

Савченко Александр Александрович
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (филиал) в г. Волгограде
volzhanin34@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТА УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ ПОСЕЛЕНИЙ©

Управление земельными ресурсами на муниципальном уровне образует межотраслевой институт, причем на его функционирование влияют как правовые, так и иные факторы, являющиеся предметом изучений различных общественных наук. Проведя анализ научных работ, можно выделить следующие аспекты категории «управление земельными ресурсами поселений»: политический, административно-управленческий, правовой, экономический, научно-внедренческий.

Из теории права известно, что структуру правовых отношений составляют такие элементы, как объект, субъект и содержание. Подобная многоаспектность категории «управление земельными ресурсами поселений» находит свое отражение, прежде всего, на таком элементе структуры муниципально-правовых отношений, как объект управления земельными ресурсами поселений. На практике зачастую отождествляют такие понятия, как земли поселений, земли населенных пунктов, земельные участки, территория поселения, используя данные термины как синонимичные.

Статьей 14 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в качестве одного из вопросов местного значения поселений предусмотрены полномочия по управлению земельными ресурсами. В связи с вышеизложенным, нами предлагается анализ объекта данной категории муниципально-правовых отношений, а также сравнительный анализ с подходами представителей экономической науки и теоретиков земельного права.

Так, по мнению А. В. Лемина, объектом управления земельными ресурсами в муниципальном образовании выступают земельные участки в установленных границах, с фиксированной площадью и правовым режимом в пределах границ поселения. При этом объектом муниципального управления являются не только исключительно муниципальные земельные участки, но и участки, находящиеся в государственной собственности (неразграниченные земли) [8, с. 11]. Таким образом, подход А. В. Лемина к определению объекта управления земельными ресурсами можно назвать узким.

А. А. Варламов полагает, что объектами управления земельными ресурсами в муниципальных образованиях выступают земля в установленных границах фиксированной площади и местоположения, земельные участки, территориальные зоны, земельные доли (паи) и права на них [12]. Он подчеркивает, что земля на территории муниципального образования может находиться в государственной, муниципальной, частной и иных формах собственности.

© Савченко А. А., 2013